
**МАТЕРИАЛЫ
РОССИЙСКО-УКРАИНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«РУССКАЯ ВЛАСТЬ
И БЮРОКРАТИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО»
Приложения к стенограмме**

МАССОВЫЕ ПРОТЕСТЫ В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ВЛАСТИ

А.Н. Олейник

*Институт международных экономических
и политических исследований РАН*

Аннотация: *Массовые протесты конца 2011 — начала 2012 г.г. рассматриваются в качестве реакции на превалирование в России особой модели властных отношений, русской власти. Обсуждаются варианты, при которых массовые протесты могут стать первым шагом к переходу от равновесия русской власти к равновесию демократической власти: реформа органов муниципального и регионального управления и реформа университетской жизни.*

Ключевые слова: *массовые протесты, русская власть, коррупция, политические выборы, теория конгруэнтности власти.*

Введение

Состоявшиеся в конце 2011 — начале 2012 г.г. в ряде крупных городов России массовые протесты подняли целый ряд вопросов, которые выходят далеко за рамки оспаривания конкретных итогов парламентских и президентских выборов. Некоторые публицисты стали говорить в этой связи о «разрыве матрицы», понимая под этим разрушение основ российской институциональной матрицы («Х-матрицы», если использовать термин Светланы Кирдиной¹) и выход за рамки существующей колеи исторического развития России.

Опыт аналогичных но своей массовости протестов в ряде других пост-советских стран (прежде всего в Грузии, Украине и Кыргызстане), да и новейшая история собственно России (период конца 80-ых — начала 90-ых годов прошлого века), однако, требует осторожности в оценках. Даже когда массовые протесты приводят к смене персоналий в политической элите, нет гарантий против того, что новые лица используют полученную на волне протестов власть на общее благо, а не в своих индивидуальных и узкогрупповых интересах.

Данная статья представляет собой попытку осмысления массовых протестов с точки зрения основных элементов модели властных отношений, превалирующих в российском

¹Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. — Новосибирск: 2001.

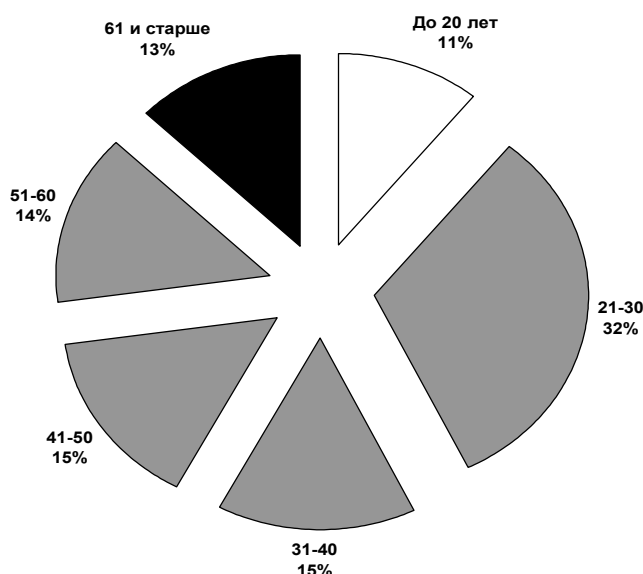
институциональном контексте. Вслед за Юрием Пивоваровым и Виктором Макаренко эту модель можно назвать «русской властью», делая акцент не на национальности ее обладателей, а на укорененности данной модели в российской институциональной среде². В частности, в статье предлагается интерпретировать массовые протесты как выражение их участниками несогласия с рядом конституирующих принципов русской власти. Статья также призвана ответить на вопрос, при каких условиях массовые протесты могли бы привести не к простой ротации властвующих элит, а к преодолению отчуждения граждан от представителей государства посредством перехода от русской власти к иной конфигурации властных отношений.

Протест против русской власти

Массовые протесты конца 2011 — начала 2012 г.г. отличаются следующие характеристики. Во-первых, их непосредственным поводом стали сомнения в прозрачности и достоверности процедуры подсчета голосов на выборах. В этом смысле можно провести параллель с массовыми протестами в целом ряде других пост-советских стран: Грузии (ноябрь 2003 г.), Украине (ноябрь 2004 г.), Кыргызстане (март 2005 г.), Монголии (август 2008 г.) и Молдове (апрель 2009 г.). Во всех этих случаях массовой мобилизации граждан предшествовали выборы.

Во-вторых, в митингах участвовали представители самых разных слоев населения и частей политического спектра: либералы, коммунисты, националисты и анархисты. Взять распределение участников одного из наиболее массовых митингов (24.12.2011 г. на проспекте академика Сахарова в Москве; по разным данным в нем приняло участие от 40 до 100 тысяч человек) по возрасту (Рисунок 1). Несмотря на «конфликты поколений», все возрастные группы равномерно представлены среди участников митинга — и молодежь, и люди среднего возраста, и старшие поколения.

Рисунок 1 «Распределение участников митинга 24.12.2011 г. в Москве по возрасту»

²Макаренко В.П. Русская власть: теоретико-социологические проблемы. — Ростов-на-Дону: 1998; Пивоваров Ю.С. Русская политика в ее историческом и культурном отношении. — М.: 2006; Олейник А.Н. Власть и рынок: Система социально-экономического господства в России «нулевых» годов. — М.: 2011.

Источник данных: опрос, проведенный сотрудниками Левада-Центра во время митинга 24.12.2011 г. на проспекте академика Сахарова в Москве. Автор благодарен руководителю Левада-Центра д.ф.н. Л.Д. Гудкову и Д. Волкову за предоставление доступа к базе данных этого опроса.

Что стало объединяющим фактором для людей, которые в обычной ситуации имеют различные, если не сказать прямо противоположные интересы? Общая макроэкономическая ситуация оказывает влияние на всех граждан, вне зависимости от их возраста или уровня дохода. Однако сравнение основных макроэкономических параметров в странах, в которых в последнее десятилетие наблюдались массовые протесты (Таблица 1), указывает, что в их число попали как бедные, так и относительно богатые (если судить по показателю величины ВВП на душу населения). Экономический кризис также не является условием массовой мобилизации: во всех случаях наблюдался рост ВВП, от умеренного до высокого, выражающегося двухзначными цифрами. Другие показатели социально-экономического развития — индекс человеческого развития (при его расчете наряду с материальным благосостоянием учитывается средняя продолжительность жизни и уровень образования населения), индекс степени защищенности политических прав и свобод (американская неправительственная организация Freedom House дает ежегодную оценку состояния формальных институтов демократии во всех странах мира) и даже индекс состоятельности государства (журнал Foreign Policy оценивает вероятность возникновения конфликтов и чрезвычайных ситуаций, а также готовность государства к управлению ими) — тоже не вносят ясности в вопрос об условиях, необходимых для массовой мобилизации.

Таблица 1 «Основные показатели социально-экономического развития стран, в которых в последнее десятилетие наблюдались массовые протесты (данные за год, предшествовавший массовым протестам)»

	Связь с выборами ⁽¹⁾	ВВП на душу населения ⁽²⁾	Темп роста ВВП, ⁽³⁾ %	Human Index ⁽⁴⁾ Development	Freedom House ⁽⁵⁾	Failed States Index ⁽⁶⁾	Transparency International ⁽⁷⁾
Грузия, ноябрь 2003	Да	651	5,5	0,679	4	Н.д.	1,8
Украина, ноябрь 2004	Да	1028	9,4	0,681	3,5	Н.д.	2,2
Кыргызстан, март 2005	Да	369	7	0,571	5,5	80,4	2,2
Монголия, август 2008	Да	1620	10,2	0,605	2	58,5	3,0
Молдова, апрель 2009	Да	1695	7,8	0,620	4	85,7	2,9
Иран, июнь 2009	Да	4537	2,3	0,691	6	85,7	2,3
Кыргызстан, апрель 2010	Нет	881	3,1	0,594	5,5	89,1	1,9
Тунис, декабрь 2010	Нет	4171	3,1	0,677	6	67,5	4,3
Алжир, декабрь 2010	Нет	3926	2,1	0,671	5,5	81,3	2,9
Египет, январь 2011	Нет	2456	4,6	0,614	5,5	87,6	3,1
Йемен, январь 2011	Нет	1118	8	0,439	5,5	100	2,2
Ливия, февраль 2011	Нет	11314	4,2	0,755	7	69,1	2,2
Сирия, март 2011	Нет	2877	3,2	0,589	6,5	88,1	2,5
Россия, ноябрь 2011	Да	10437	3,95	0,719	5,5	79	2,1

Источники данных: (1) по информации СМИ; (2) World Bank (величина в US\$), <http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators>; (3) United Nations Development Program (максимальное значение индекса равно 1): <http://hdr.undp.org/en/statistics/>; (4) Freedom House (указано среднее значение индексов Политических прав и Гражданских свобод, по 7-бальной шкале),

<http://www.freedomhouse.org/images/File/fiw/historical/FIWAllScoresCountries1973—2011.xls>; (5) Foreign Policy & The Fund for Peace (индекс может принимать значения от 0 до 130), http://foreignpolicy.com/files/fp_uploaded_documents/100629_FSI%20Scores2010Clean.pdf; (6) Transparency International (индекс может принимать значения от 1 до 10, где 10 означает полное отсутствие коррупции), http://www.transparency.org/policy_research/surveys_indices/cpi.

Единственным индикатором, значения которого во всех затронутых массовыми протестами странах находятся приблизительно в одном и том же интервале (от 1,8 до 4,3), оказывается уровень восприятия коррупции. Даже верхняя граница данного интервала (4,3) соответствует уровню коррупции выше среднего по выборке международной неправительственной организации Transparency International. Коррупция обычно понимается как использование государственной должности в личных или узкогрупповых интересах. Высокий уровень коррупции означает, что представители государства ориентируются не на максимизацию общего блага, а на оппортунистическую реализацию своих собственных интересов. Россия не стала исключением из этого правила.

Коррупция соответствует конституирующим принципам русской власти. К их числу можно отнести самообоснованный характер власти (в отличие от авторитета как власти, обосновываемой ссылкой на высшие принципы — закон, традицию и т.д.), власть как самоцель (в отличие от власти как инструмента достижения иных целей), крайнюю асимметричность в распределении прав и обязанностей между обладателем власти и подчиненным лицом, отсутствие обратных связей между ними (все инициативы и указания исходят только от обладателя власти) и использование обладателем власти преимущественно насильственных техник навязывания воли³. Как верно заметил Александр Яковлев, «взятку дает тот, кто находится в подчиненной позиции и вследствие этого пытается уменьшить асимметрию в своих отношениях с лицом, обладающим большими полномочиями»⁴.

Рассмотрение массовых протестов в контексте русской власти помогает и лучше понять их связь с выборами. Выборы представляют собой механизм обратной связи между членами властвующей элиты и обычными гражданами. По этой причине выборы подрывают один из устоев русской власти, а именно отсутствие у подчиненного лица средств для донесения своего мнения до обладателя власти, не говоря уже о возможностях для влияния на действия последнего.

При сохранении неизменными конституирующих принципов русской власти выборы неизбежно становятся поводом для манипулирования (как одной из насильственных техник навязывания воли⁵), а сам процесс подсчета голосов остается непрозрачным и подверженным фальсификациям. При манипулировании «субъект осуществляет скрытый контроль над объектом в процессе коммуникации, делая объекту замаскированные «предложения» путем селектирования поступающей объекту информации, например, утаивая важную информацию, недоступную объекту из других источников. Этот вид манипуляции проявляется в рекламной деятельности и многие формы политической пропаганды»⁶. Протестуя против фальсификаций в ходе выборов, граждане тем самым пытаются подорвать одну из основ русской власти.

Результаты опроса участников митинга 24.12.2011 г. в Москве (Таблица 2) подтверждают, что главным объединяющим их фактором стало именно несогласие с отсутствием обрат-

³Олейник А.Н. Власть и рынок: Система социально-экономического господства в России «нулевых» годов. — М.: 2011. — Глава 3.

⁴Яковлев А.М. Социология экономической преступности. — М., 1988. — С. 150.

⁵См. подробнее в Wilson A. Virtual Politics: Faking Democracy in the Post-Soviet World. — New Haven, CT and London, 2005.

⁶Ледеев В.Г. Власть: концептуальный анализ. — М., 2001. — С. 292.

ных связей в отношениях между властью и обществом — как собственно в период выборов (вариант ответа «Стремление выразить свое возмущение фальсификацией выборов»), так и между ними (вариант ответа «Недовольство тем, что власть не считается с такими людьми, как я»). Иными словами, отнюдь не экономические (две трети манифестантов относят себя к тем, кто не испытывает особых материальных затруднений при покупке дорогих вещей — холодильника, машины и т.д.) или политические (лишь 15% из них пришли на митинг из солидарности с позицией конкретной партии) факторы сделали возможным объединение представителей разных социальных и возрастных групп. Массовость протестов можно объяснить спецификой русской власти, ведь в повседневной жизни с ней сталкиваются и студент (поступая в вуз, сдавая экзамены и будучи призванным в армию), и предприниматель (оплачивая «входной билет» на рынок), и пенсионер (имея дело с органами социального обеспечения).

Таблица 2 «Причины участия в митинге 24.12.2011 г. в Москве, % упомянувших»

Накопившееся недовольство положением дел в стране / политикой властей	72,6
Стремление выразить свое возмущение фальсификацией выборов	72,3
Недовольство тем, что власть не считается с такими людьми, как я / основные решения в стране принимаются без нашего участия	51,6
Разочарование в обещанной политике модернизации / в Медведеве	41,6
Солидарность с позицией партий, участвующих в митинге	15,2
Симпатии организаторам митинга	13,1
На митинг пошли мои знакомые, друзья — и я с ними	9,5
Митинги — это интересно, это — тренд времени	5,9
Другое	2,7
Затрудняюсь ответить	0,6

Источник данных: опрос, проведенный сотрудниками Левада-Центра во время митинга 24.12.2011 г. на проспекте академика Сахарова в Москве (N=791). Респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

Стоит еще раз уточнить использование прилагательного «русский» при описании той модели власти, против которой направлены протесты. С одной стороны, отсутствие обратных механизмов в отношениях между обладателем власти и подчиненным не является специфичным для России и для пост-советских стран (которые до получения независимости в начале 90-ых годов долгое время входили в состав российской и советской империй). Участники революций в арабских странах точно также протестуют против своей односторонней зависимости от власти, отсутствия механизмов обратной связи и так далее. Иными словами, модель властных отношений, названная ранее русской властью, превалирует и в целом ряде других стран. С другой стороны, ситуация в России наиболее близка к идеальному типу такой власти, что объясняет добавление прилагательного «русский» при ее описании. По Максиму Веберу, идеальный тип «не является гипотезой, но он направляет процесс их выработки. Он не является описанием реальности, но нацелен на выработку средств, с помощью которых такое описание может быть получено»⁷. Российская институциональная среда представляется особенно благодатной с точки зрения выработки и эмпирической проверки аналитических средств, позволяющих описать лежащую в основе массовых протестов последнего десятилетия модель властных отношений.

Известен и ряд других, менее привязанных к определенной стране, терминов для описания такой модели властных отношений. Например, в теории вилегальности Эрнан-

⁷Weber M. «Objectivity» in social science and social policy // Weber M. The Methodology of the Social Sciences. — Glencoe, IL, 1949. — P. 90.

до де Сото⁸ акцент делается на институциональном исключении или отчуждении, под которым понимается неспособность граждан использовать закон для организации своей повседневной деятельности ввиду высоких затрат, связанных с исполнением его требований, и непониманием собственно закона ввиду его полного отрыва от повседневных практик. Институциональное исключение или отчуждение характерно и для русской власти — в той мере, в какой она предполагает крайнюю асимметричность властных отношений, их самообоснованный характер, а также отсутствие обратных связей.

Теория конгруэнтности власти

Русская власть обычно ассоциируется с макро-уровнем: ее наиболее законченным воплощением является бюрократическое централизованное государство (что нашло отражение даже в названии данной конференции). Однако власть как один из наиболее универсальных механизмов координации человеческой деятельности структурирует отношения не только на макро-, но и на мезо- (внутри крупных организаций: политических партий, университетов, корпораций) и микро- (внутри семьи, дружеского круга) уровнях. Макс Вебер определяет власть как способность одного субъекта навязать свою волю другому субъекту вопреки возможному сопротивлению последнего и вне зависимости от контекста их взаимодействия, будь то политика или отношения внутри домашнего хозяйства⁹.

Вопрос о соотношении моделей власти, превалирующих на макро-, мезо- и микро-уровнях, обычно остается вне фокуса внимания исследователя. Он изучает либо отношения власти в сфере политики (объект исследования политической науки), либо отношения власти внутри организации (объект исследования наук об управлении) и малых групп (объект исследования социальной психологии). Даже критическая социология Мишеля Фуко и Пьера Бурдьё, признавая повсеместный характер властных отношений, специально не изучает их соотношение на макро-, мезо- и микро-уровнях.

Среди немногих исключений можно отметить работы Роберта Даля и Гэрри Экстейна. Первый является сторонником достаточно радикального подхода: полноценная демократия возможна лишь при реализации демократических принципов на всех уровнях социальной организации, начиная с государства и заканчивая семьей. На сегодняшний день ни одно общество не соответствует этому идеалу: «во всех демократических странах некоторые организации эксплицитным образом и совершенно легально управляются недемократически, к примеру коммерческие фирмы»¹⁰.

Экстейн предлагает более прагматический подход, допуская невозможность воплощения демократической модели властных отношений на всех уровнях социальной организации, включая семью и школу (где, по его мнению, элементы недемократической власти просто неизбежны). Теория конгруэнтности власти Экстейна строится на основе следующих допущений¹¹. Во-первых, стабильность правительства зависит от степени конгруэнтности лежащей в основе его функционирования модели власти с превалирующими в других сферах моделями власти (внутри политических партий, университетов, корпораций, домашних хозяйств). Конгруэнтность понимается Экстейном как подобие или сходство (как могут быть подобными, например, геометрические фигуры). Иными словами, стабильное правительство

⁸Де Сото Э. Иной путь: Невидимая революция в третьем мире. — М., 1995.

⁹Weber M. *Economy and Society: An Outline of Interpretative Sociology*. — N.Y., 1968. — P. 53.

¹⁰Dahl R. A. *After the Revolution? Authority in a Good Society*. — New Haven, CT and L., 1990. — P. 1.

¹¹Eckstein H., Fleron F.J., Hoffmann E.P. and Reisinger W.M. (with Ahl R., Bova R. and Roeder P.G.). *Can Democracy Take Root in Post-Soviet Russia? Exploration in State-Society Relations*. — Lanham, MA, 1998.

действует на основаниях, подобных тем, что и политические партии или корпорации в данной стране.

Во-вторых, демократическое правительство может быть стабильно только при наличии в его функционировании элементов недемократических властных отношений — как раз потому, что некоторые организации (школа, семья) по Экстейну ни при каких условиях не могут воплощать модель полной демократии. Иначе говоря, стабильное демократическое правительство должно быть «сбалансированно неоднородным». При этом чем меньше контактов в повседневном функционировании конкретной организации с правительством, тем меньше потребность в обеспечении конгруэнтности воплощенных в ней моделей властных отношений. Так, наиболее близки к демократическому правительству политические партии, а значит и степень конгруэнтности в этом случае должна быть особенно велика. А вот контакты правительства и семьи наименее интенсивны, поэтому семья может быть менее демократической, а правительство — ограничиться воплощением лишь незначительных элементов недемократической власти.

Данный подход предполагает более реалистичные требования к организации власти, чем тот, что предлагается Далем. Теория конгруэнтности Экстейна также позволяет объяснить устойчивость равновесия русской власти как особого случая недемократической власти. Власть на макро-уровне в российском случае вполне соответствует тем моделям, что преобладают на мезо- и микро-уровнях. Скажем, факт воспроизводства ряда ключевых элементов русской власти в управлении российскими вузами достаточно хорошо задокументирован. «Управление в российских вузах в основном иерархическое», следует из результатов проведенного в 2006 г. опроса представителей 480 российских вузов¹². Отсюда так называемый «эффект колеи»: устойчивость равновесия русской власти исключает возможность ее радикальных изменений. Альтернативные модели властных отношений при таких условиях могут быть привнесены только извне, а при их неконгруэнтности с какими-либо моделями власти внутри страны шансы «трансплантов» на выживание минимальны. Успех «стратегии трансплантирования демократических институтов, которые могут вполне успешно функционировать в иных условиях, в страны без демократических традиций зависит от наличествующих в этих странах образцов власти»¹³.

Теория конгруэнтности Экстейна имеет ряд слабых мест. Как признают даже ее сторонники, теорию конгруэнтности трудно подвергнуть эмпирической проверке, а значит и фальсифицировать. Принцип сбалансированной неоднородности (то есть наличие недемократических элементов в демократическом правительстве) не поддается количественному выражению: насколько недемократическим должно быть демократическое правительство, чтобы система власти оставалась устойчивой? Наконец, как именно можно осуществить переход от равновесия русской власти к демократическому равновесию? Ведь без внесения ясности в этот вопрос пар массовых протестов уйдет «в свисток».

Варианты перехода от равновесия русской власти к новому равновесию

Представляются, что для достижения своей основной цели — отхода от равновесия русской власти — массовые протесты могут быть ориентированы на решение как минимум двух практических задач. Обе задачи касаются подготовки новой властвующей элиты — вну-

¹²Панова А. «О структуре управления и принятии решений в российских вузах» // Вопросы экономики. — 2007. — № 6. — С. 105.

¹³Eckstein H., Fleron F.J., Hoffmann E.P. and Reisinger W.M. (with Ahl R., Bova R. and Roeder P.G.). Can Democracy Take Root in Post-Soviet Russia? Exploration in State-Society Relations. — Lanham, MA, 1998. — P. 153.

три страны, но при этом расположенной к восприятию и реализации принципов властных отношений иных, чем те, что отражены в русской власти.

Первая задача заключается в демократизации муниципального и регионального управления. При выполнении этого условия появляется переходное звено, воплощающее в себе иные, чем заложенные в русской власти, принципы. Политики, прошедшие школу муниципального и регионального управления на мезо-уровне, могут затем перенести этот опыт при переходе в правительство центральное. Таким образом обеспечивается привнесение на макро-уровень — при сохранении сбалансированной однородности — новых принципов власти. «История успеха» демократии в Норвегии во многом объясняется приобретением большинством политиков этой страны опыта демократического управления на муниципальном и региональном уровне до получения ими постов в центральном правительстве¹⁴. Демократию на локальном уровне обеспечить всегда легче, а в российском случае представители властвующей элиты на федеральном уровне вполне могут позволить локальной демократии развиваться в качестве одной из возможных уступок митингующим.

Вторая задача касается функционирования высшей школы, и прежде всего — университетов, готовящих представителей властвующей элиты завтрашнего дня (МГУ, МГИМО, СПбГУ, НИУ-ВШЭ). Опыт студенческой жизни является важным элементом вторичной социализации. От того, с какой моделью власти студент сталкивается внутри университета, зависит и его восприятие власти после окончания образования. Как отмечалось выше, большинство российских вузов управляются с использованием далеких от демократических принципов, и ведущие университеты здесь не являются исключением¹⁵. Иначе говоря, в качестве следующего шага участники массовых протестов могут сконцентрироваться на реформировании и демократизации университетской жизни посредством ее избавления от элементов русской власти. Задача вполне реальная, а ее решение вряд ли будет восприниматься представителями нынешней властвующей элиты как источник непосредственной угрозы. Зато в среднесрочном плане появляется шанс подготовить новое поколение политиков, не нарушая при этом принципа сбалансированной однородности.

¹⁴Eckstein H. *Division and Cohesion in Democracy: A Study of Norway*. — Princeton, NJ, 1966.

¹⁵Олейник А.Н. «Underperformance в теории и университетской практике» // Социология науки и технологий. — 2011. — № 3.